

Федеральное агентство по образованию

СОЧИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ТУРИЗМА И КУРОРТНОГО ДЕЛА

РУССКАЯ СТАРИНА

№ 2 (2)

2010

Русская старина. 2010. № 2 (2)

Издается 2 раза в год.

Редакционная коллегия:

Д.и.н., профессор А.А. Черкасов (глав. ред.),

К.и.н., доцент В.Г. Иванцов,

Д.и.н. Е.Ф. Кринко,

К.и.н., доцент О.В. Натолочная

Подписано в печать 25.09.2010 г.

Формат 21 × 29,7/4.

Уч.-изд.л. 2,1. Усл. печ. л. 2,2.

Тираж 500 экз. Заказ № 2.

Редактор, корректор

Н.Ш. Сайфутдинова

Редактор-переводчик А. В. Рожкова

**Технический редактор, электронная
поддержка Н. А. Шевченко**

Учредитель и издатель – ИП Кочкешев Ю.К.

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи и сообщения

Натолочная О.В. ДЕНЕЖНАЯ РЕФОРМА 1947 ГОДА: ПРОТИВОРЕЧИЯ РЕАЛЬНОГО И ОЖИДАЕМОГО	4
Суханова И.З. К ВОПРОСУ О ГОСУДАРСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ УСТРОЙСТВЕ «ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ПЛЕМЕН» АДЫГОВ НАЧАЛА XIX ВЕКА	9
Гарголина Е.С., Черкасов А.А. АНАЛИЗ ЖЕНСКИХ ЖУРНАЛОВ МОД, ИЗДАВАВШИХСЯ В РОССИИ–СССР С 1900 ПО 1930-Е ГГ. КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ВИЗУАЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ	12
Зайцев А.М., Мамадалиев А.М. ЧЕРНОМОРСКАЯ ГУБЕРНИЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: К ВОПРОСУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ	16
Ермачков И.А., Зайцев А.М. АРХИТЕКТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ НА ТЕРРИТОРИИ БОЛЬШОГО СОЧИ	19
Мурзанаева Е.Н. НРАВСТВЕННЫЙ ИМПЕРАТИВ В ЭКОНОМИКЕ ДРЕВНИХ ГРЕКОВ	22

Статьи и сообщения

**ДЕНЕЖНАЯ РЕФОРМА 1947 ГОДА:
ПРОТИВОРЕЧИЯ РЕАЛЬНОГО И ОЖИДАЕМОГО**

О.В. Натолочная

Сочинский государственный университет туризма и курортного дела, Россия
354000, г. Сочи, ул. Советская, 26а

Аннотация. В статье рассматривается денежная реформа 1947 года в контексте противоречий планов и реалий.

Ключевые слова: денежная реформа, СССР, 1947 год.

С окончанием Великой Отечественной войны был отменен военный налог, сократилось перечисление компенсации за неиспользованные рабочими и служащими отпуска в качестве специальных вкладов в сберкассы, прекратилось добровольное поступление средств в фонд Красной Армии. Это привело к негативному изменению в финансовой системе страны. Инфляционные процессы, усугубляемые критической ситуацией на потребительском рынке, расширение зоны натурального обмена свидетельствовали о прогрессирующем обесценивании рубля и ставили под угрозу срыва программу восстановления экономики.

Первой попыткой поправить финансовое положение страны стал государственный заем, выпущенный в мае 1946 г. Общая сумма займа составляла 20 млрд. рублей (12,5 млрд. руб. - на городское население и 5,5 млрд. руб. - на сельское) [1]. Несмотря на предупредительные рекомендации наркома финансов А. Г. Зверева о проведении массово-разъяснительной работы [2], психология перегиба давала свои очередные рецидивы: правилом становились случай вызова работников для «бесед» в парткомы и завкомы, после чего оформлялась «добровольная» подписка на заем в размере недельной, месячной, а иногда и двухмесячной зарплаты.

Следующим шагом в налаживании нормального денежного обращения страны должна была стать денежная реформа 1947 г. Изначально денежная реформа была поставлена в зависимость от другой акции - отмены карточной системы. Отмена карточек, превратившихся в своеобразный символ военных лет, должна была, по мнению советских руководителей, продемонстрировать силу и выносливость советской экономики. А для этого необходимо было провести акцию отмены раньше, чем в других странах, вынуж-

денных во время войны тоже прибегнуть к нормированному снабжению населения. К числу таких стран принадлежали Англия, Франция, Италия, Австрия. Первоначально отмена карточек планировалась на 1946 г. [3], но продовольственный кризис заставил отодвинуть реализацию этого решения.

В обыденном сознании война и карточки оказались слитыми таким тесным образом, что сохранение карточек рассматривалось почти как главная причина продовольственных трудностей военных лет. Идея отмены карточек в народе приобрела еще большую популярность после повышения в 1946 г. пайковых цен. Достаточно типичными были высказывания такого рода: когда же отменят карточную систему или хотя бы откроют коммерческую торговлю хлебом и крупой? [4] Когда будет хлеб, тогда снизятся цены и на другие продукты на рынке [5].

Однако, были и другие высказывания: «Сейчас тяжело с хлебом, недостает, - приводил свои аргументы забойщик шахты из Челябинской области Ковалев, - а если отменят карточки, то может быть еще хуже. Спекулянты будут делать свое дело, и мы можем остаться без хлеба» [6].

У идеи отмены карточной системы, как видно, были и сторонники, и противники. Сам факт отмены карточек в конце 1947 г. не был неожиданным. Действительную растерянность большинства людей вызвала денежная реформа.

Реформа, вспоминал А.Г. Зверев, готовилась в обстановке строгой секретности под личным контролем Сталина [7]. Задуманная как антиинфляционная мера, она на практике свелась к рестрикционному мероприятию, т.е. изъятию у населения так называемых «лишних» денег, прежде всего, наличных. Считалось, что в результате реформы пострадают спекулятивные элементы, а трудящиеся останутся в выигрыше. Что же произошло на самом деле?

Тайна информации о реформе была довольно быстро нарушена. «На местах, - вспоминал Зверев, - после получения специального пакета с документами о денежной реформе, на которой стоял гриф «Вскрыть только по получении особого указания», у отдельных местных сотрудников любопытство перетянуло служебный долг. Пакеты были вскрыты раньше времени [8]. Таким образом, некоторые хозяйственные и партийные работники узнали о реформе накануне, что позволило им принять предупредительные меры и обезопасить наличность. Еще раньше на предстоящую реформу отреагировали «теневики», переведя большую часть своих денег в золото, драгоценности, недвижимость. Слухи о реформе, особенно накануне (реформа была проведена в ночь с 14 на 15 декабря 1947 г.) просочились и в народ. Началась предреформенная лихорадка.

«Уже несколько дней народу на улицах тьма, - описывает это время В. Кондратьев, - все магазины – и коммерческие, и комиссионные, и промтоварные – облеплены очередями. Позавчера на бывшей Никольской в магазине «Оптика» брали нарасхват бинокли. Мечту всех командиров на фронте покупали теперь какие-то бабенки, мужички, и брали не один-два – десятками – по сто рублей за штуку. Ну а вечером рестораны коммерческие штур-

мовали с боя, крики, брань. А кто-то просто последние сотни-две решил спустить, потому, как начнется новая жизнь, с новыми деньгами и без карточек, чего уж старые деньги беречь» [9].

Положение несколько прояснилось на другой день после реформы: на прилавках коммерческих магазинов (в основном столичных) появилось почти довоенное изобилие. Однако, при этом цены на многие потребительские товары массового спроса, в том числе на одежду, обувь, трикотажные изделия значительно увеличились по сравнению с пайковыми [10]. Цены на продовольственные товары были в целом выше довоенных и недоступными для большинства населения. Реформа чувствительно ударила по рабочим и крестьянам, по тем группам населения, средства и сбережения которых редко носили форму вкладов в сберкассы и были представлены в основном наличностью. По расчетам экономиста А. Улюкаева, сумма вкладов на тот момент времени была в 14–15 раз меньше годового фонда заработной платы рабочих и служащих [11].

Несмотря на то, что реформа сократила объем наличных денег у населения, с ее помощью так и не удалось ликвидировать диспропорцию между спросом и предложением. Если в столичных городах удавалось поддерживать необходимый уровень товарных запасов (по этому поводу было принято специальное постановление Совета Министров СССР от 29 ноября 1947 г.), то в других городах и регионах положение на потребительском рынке складывалось критическое. Причем, в разряд дефицитных товаров попадал, прежде всего, хлеб. В результате на местах стихийно начала восстанавливаться нормированная система снабжения – в виде карточек, заборных книжек, специальных пропусков.

Письма рабочих в ЦК ВКП(б), газету «Правда» свидетельствуют о реальном состоянии дел со снабжением после отмены карточной системы: «В очередях у хлебных магазинов происходит ужасная картина, установили «десятки», выделили бригадиров и наблюдателей у входа. Рабочий получает на 3-4 суток 2 кг хлеба (г. Семипалатинск); «В городе Спасске, чтобы получить хлеб, надо отстоять в очереди с утра и до следующего утра»; «Я инвалид войны, ввиду своего положения не могу лезть в давку, и потому моя семья из 5 человек и я вот уже 10 дней не видим хлеба. Рязанская область) [12].

Отмена карточек не оправдала связанных с ней надежд: жизнь в одночасье не переменилась. Многие верили, что достаточно принять одно правильное решение и все трудности военного времени останутся позади. Отмена карточек в массовом сознании и была образцом этого единственно правильного решения. Отрицательный эффект денежной реформы усилил фактор неготовности населения к снижению жизненного уровня. Все усилия государственной пропаганды были направлены на то, чтобы подать реформу как очередной свидетельством заботы партии и правительства о народном благе. Было возможным принять специальные меры по смягчению социальных последствий обмена денег для малообеспеченных слоев населения. Эти меры приняты не были.

Реальное и идеальное пришли в противоречие, на основе которого сформировался комплекс «обманутых надежд». Поскольку этот комплекс возникает на совершенно определенной почве – как реакция на конкретную реформу – то обыденное сознание и фиксирует его совершенно конкретно – по отношению к реформе. В результате обобщения у людей формируется отношение людей уже не к конкретной реформе, а к реформам вообще, и к денежным реформам в особенности, как к акту с непредсказуемыми последствиями. Установка на то, что в результате реформ все изменится к лучшему, постепенно меняется на осторожно-предупредительную – как бы не было хуже. Подобная трансформация не означает, что надежда на лучшее, как субъективная реальность перестает существовать. Она просто меняет условия своего существования: опасения «как бы не было хуже» усиливают в общем восприятии действительности элемент пассивности. Этот элемент становится тормозом развития процесса общественных преобразований [13].

Можно утверждать, что эмоциональный подъем, охвативший общество после победы, мог стать самым благоприятным психологическим фоном для проведения прогрессивных преобразований. Но при условии, что эти преобразования будут инициированы «сверху». Со своей стороны «центр» нуждался в импульсе снизу. Нужна была общественная сила, которая взяла бы на себя роль «возмутителя спокойствия» и достаточно четко сформулировать свои требования. Только в таком обоюдном контакте мог быть запущен механизм реформ.

Важно было определить и направленность будущих реформ – реставрационную или инновационную. Этот выбор зависел от того, какая психологическая установка одержит верх – та, что нацелилась на восстановление довоенного порядка (жить, как до войны) или та, что определяла собой движение вперед.

И все-таки наиболее благоприятный момент для начала реформ был упущен. Используя кредит доверия народа и ситуацию приоритетности восстановительных задач, власти откладывали принятие решений, способных заложить основы будущей модернизации. Вместо курса на обновление общества народу была предложена концепция «временных трудностей», которые, если следовать логике центра, должны были разрешиться сами собой. Ход удался: настроения людей, несмотря на наличие острых критических высказываний, более тяготели к согласию «еще потерпеть», т.е. к осознанному пониманию реальных сложностей послевоенного времени. Так произошло совпадение интересов: нежелание кардинальных перемен со стороны центра и готовности народа с этими переменами «повременить».

Таким образом, был достигнут общественный консенсус. Но он не мог быть долговременным, поскольку сама концепция «временных трудностей» предполагала исчерпание этих трудностей. Рано или поздно должен был приблизиться критический момент, связанный с исчезновением объективной обусловленности периода выжидания. Хронологически он пришелся на рубеж 1947–1948 гг.

Примечания:

1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.599. Оп.1. Д.424. Л. 10.
2. Там же.
3. Маленков Г. Информационный доклад о деятельности Центрального Комитета ВКП(б) на совещании представителей компартий в Польше в сентябре 1947 г. М., 1947. С. 20.
4. РГАСПИ. Ф.17. Оп.125. Д.518. Л.7.
5. РГАСПИ. Ф.17. Оп.125. Д.425. Л. 3
6. РГАСПИ. Ф.17. Оп.125. Д.517. Л. 7.
7. Зверев А.Г. Записки министра. М. 1973. С. 233.
8. Зверев А.Г. Записки министра. М. 1973. С. 235.
9. Кондратьев В. Старые ворота. Повесть. М., 1980. С. 146.
10. Аксенов Ю., Улюкаев А. О простых решениях непростых проблем. //Коммунист. 1990. № 6. С. 83.
11. Там же. С. 80.
12. Улюкаев А., Аксенов Ю. Легенды об одной реформе // Неделя. 1990. № 19. С.16.
13. Зубкова Е.Ю. Общество и реформы. 1945-1964. М., 1993. С.50.

К ВОПРОСУ О ГОСУДАРСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ УСТРОЙСТВЕ «ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ПЛЕМЕН» АДЫГОВ НАЧАЛА XIX ВЕКА

И.З. Суханова

Сочинский государственный университет туризма и курортного дела, Россия
354000, г. Сочи, ул. Советская, 26а

Аннотация. Рассматривается государственно-политическое устройство, так называемых «демократических племен» адыгов в начале XIX века.

Ключевые слова: государственно-политическое устройство, адыги, горские племена, начало XIX века.

Интересным для исследования этносом, имеющим богатую социально-политическую и культурную историю, являются адыги. Не вызывает сомнений актуальность проблемы государственно-политического устройства адыгов начала XIX века. Адыгский народ, будучи одной из значительных этнических групп Западного Кавказа, вследствие раздробленности не имел единого централизованного государства.

В зависимости от характера социально-политического устройства и формы управления, ученые разделяют адыгов на «племена»: «аристократические» и «демократические».

«Аристократические» племена управлялись князьями, а «демократические», свергнувшие княжескую власть в результате демократического переворота в конце XVIII в., имели народное выборное управление [1].

В контексте исследуемого вопроса важным является мнение С. Хан-Гирея: «В социально-политическом устройстве адыгских народов существует различие, а именно: племена, состоящие под управлением князей и дворян и обитающие на северных равнинах; и племена, не признающие над собой никакой власти, имеющие правление похожее на демократическое, или народное. Племена, имеющие народное правление, или так сказать демократическое, не признают власти дворянства в них обитающего, повинуются лишь своим старшинам. Следовательно, не с дворянством преимущественно должно иметь дело, а с народом».

В начале XIX века у «демократических» племен было следующее административное устройство: несколько семейств составляли соседскую общину, охватывавшую аул (**куадж**), в свою очередь **куаджи** - объединялись в округ - «**псухо**».

Важную роль в общественном управлении у абадзехов, шапсугов и натухайцев играли народные собрания - «**За-уча**» или «**Хасэ**», которые являлись сословно-представительными собраниями феодальной эпохи и выполняли ряд важных политико-управленческих функций.

Хасэ, созывались для решения важнейших вопросов жизни общества, проблем войны и мира. Определенную роль в собраниях имели отдельные авторитетные лица.

По этому поводу писал так же Дж. Лонгворт в своей книге «Год среди черкесов»: «Возраст, опыт, доблесть и красноречие имеют должный вес и влияние, и хотя они приспособлены и облачены в одежды, отвечающие предрассудкам народа, они превращают своих носителей в непререкаемых выразителей общественного мнения».

Собрания «**Хасэ**» занимались вопросами внешней политики. На «**Хасэ**» заключались договоры по проведению совместных военных действий, определение правоты или виновности лиц совершивших преступление.

Для проведения заседаний «**Хасэ**» не существовало определенного места или времени. Созыв собраний был произвольным. Собрания происходили под открытым небом, в священных рощах, в местах, памятных какими-нибудь важными событиями.

Продолжительность работы «**Хасэ**» зависела от характера обсуждавшихся вопросов, однако, несмотря на количество участников и длительную работу, в **Хасэ** всегда царил порядок и следование установленным традициям.

Специфической особенностью «**Хасэ**» являлся порядок единогласного принятия решений, таким образом, один несогласный мог перечеркнуть мнение большинства, что с одной стороны препятствовало превращению «**Хасэ**» в полновесный орган государственной власти, а с другой стороны являлось проявлением адыгской политической культуры.

При принятии положительного решения народным собранием об этом объявлялось народу, который присягал его выполнить, затем составлялся письменный документ – «**дефтер**», к тексту которого члены «**хасэ**» прикладывали свои печати или пальцы, смоченные в чернилах.

Особенностью адыгских народных собраний являлось также то, что они были не только политическими, но и судебными органами. Известный исследователь К. Кох по данному вопросу писал, «... в обязанность народных собраний входит регламентировать внутренние дела, и поэтому они являются единственными отправителями правосудия».

Для решения военных вопросов созывались военные советы, в расширенный военный совет входили по двое старшин «**тхамад**» от каждого ста дворов, а также старшины каждого десяти дворов близлежащих территорий, которым угрожала военная опасность. Расширенный военный совет избирал главного предводителя.

Особенностью политического строя абадзехов, шапсугов и натухайцев в начале XIX века, было отсутствие у них органов исполнительной власти, вследствие этого, народные собрания зачастую носили совещательный характер. Это затрудняло процесс развития государственности.

Представительные органы власти у «демократических племен», формировались на основе территориальных объединений и адыгских «**Братств**», которые традиционно являлись объединениями крестьян против феодалов.

«Братства» были не столько кровнородственными объединениями, сколько союзами между различными людьми, основанными на искусственном родстве.

Внутри братств были запрещены браки, входящие в братство должны были зачищать друг друга, и если кто совершит преступление, то участвовать в выплате штрафа.

Будучи преимущественно политическим институтом «братства» являлись носителями традиционной адыгской культуры. Однако в связи с культурно – политическим кризисом середины XIX в., политическое значение «братств» уменьшилось; в свою очередь роль территориальных объединений у абадзехов, шапсугов и натухайцев возросла.

Таким образом, можно отметить, что система управления адыгских «демократических племен» являлась смешением территориальных и кровнородственных связей. Политическое присутствие России на Северо-Западном Кавказе усилилось и способствовало изменениям в социально- политической и экономической жизни адыгов, что в свою очередь отразилось на реорганизации патриархальных органов управления, и создании центральных структур власти.

Примечания:

1. Подробнее см.: Черкасов А.А. Сочи в войнах: историко-статистическое исследование // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2006. № 2. С. 3-7; Каратаев В.Б., Черкасов А.А. К 170-летию Адлера: создание укрепления Св. Духа // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2007. № 3. С. 23–26; Новиков Е.В. Горцы на русской службе // История и историки в контексте времени. 2006. № 4. С. 4–20.

АНАЛИЗ ЖЕНСКИХ ЖУРНАЛОВ МОД, ИЗДАВАВШИХСЯ В РОССИИ–СССР С 1900 ПО 1930-Е ГГ. КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ВИЗУАЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ

Е.С. Гарголина, А.А. Черкасов

Сочинский государственный университет туризма и курортного дела, Россия
354000, г. Сочи, ул. Советская, 26а

Аннотация. В статье рассматриваются женские журналы Российской империи и СССР как один из способов визуальной репрезентации женских образов.

Ключевые слова: женские журналы, 1900–1930-е гг., женский образ.

Появление женских журналов в России ознаменовано выпуском «Модного ежемесячного издания или библиотеки для дамского туалета» в 1779 году. В следующем веке выпускается все большее количество женских журналов, рассчитанных для аристократического круга. Однако это предприятие оставалось крайне невыгодным для издателей: во-первых, печатать гравюры было дорого и сложно, поэтому журнал просто рассказывал о последних модах на словах, апеллируя к фантазии читательниц, во-вторых, моды приходили из Европы с опозданием, что, естественно, вызывало нареkania дам. С наступлением XX в. начинается расцвет индустрии журналов мод из-за модернизации печатных технологий, а, следовательно, снижением стоимости издаваемой продукции, расширением читательской аудитории. В связи с возросшей конкурентоспособностью одни издатели делают ставку на появившуюся во второй половине XIX в. фотографию, другие – на привлечение к оформлению популярных художников, особенно этим отличались «Парижанка», «Дамский мир», «Моды для всех».

С началом Первой мировой войны основная мысль в отечественных женских журналах – это отказ от излишеств: «Не время думать о дорогих нарядах, когда так много людей лишены самого главного» [1], довольствование самым малым: «Сейчас главное, чтоб материал был прост, но тепел и мягок» [2], а также национализация мод: «Теперь подвоза из-за границы нет и благоприятное время для того, чтобы стряхнуть с себя иноземное засилье и поднять на должную высоту свое отечественное, старинное» [3].

После революции 1917 года начинается разработка образцов одежды для массового производства, поэтому в журналах («4 сезона», «Альбом мод») создаются специальные рубрики, которые предлагают мастерам кисти и пера высказываться по вопросам, связанным с созданием современного костюма. В 1922 г. при тресте «Москвошвей» открывается Ателье мод, которое должно было стать координирующим теоретическим центром моделирования бытового костюма, и тогда же был издан единственный номер первого в

СССР модного журнала «Ателье», в работе над которыми приняли участие многие художники – Кустодиев, Бакст, Грабарь, Мухина, а статьи писали Ахматова, Сологуб, Городецкий.

Рубеж 20–30-х годов оказался «переломным» для советской печати. Произошло резкое сокращение количества журналов, носивших откровенно развлекательный характер, а также перепрофилирование и переименование оставшихся. Основной задачей данных изданий было формирование у читательниц специфических женских потребностей в модной одежде, в средствах и способах ухода за внешностью, в формах времяпрепровождения. Возможно, боязнь того, что визуальное удовлетворение «буржуазного» желания хорошо выглядеть потребует реального воплощения в жизнь, и послужило причиной для закрытия данных женских модных журналов («Модный журнал», «Моды сезона», «Модели сезона», «Моды»).

На новом этапе социалистического строительства было решено рассматривать женскую печать как подготовительный этап для восприятия общей массовой печати (рассчитанной на читателей обоего пола), но проблема состояла в том, что, по мнению партруководителей, «женская масса являлась наиболее культурно и политически отсталой» [4], поэтому для чтения общих газет и журналов нужно было еще «дорости». В такой ситуации женские журналы брали на себя роль «учителей жизни», проводящих читательниц «от частного к общему»: «от совета врача, беседы о детях, практических советов – к задачам производства, коллективизации, общим политическим задачам партии» [5]. От женщин требовалось внедрение идеологии в быт, постепенное осознание и выстраивание семейно-бытовой сферы как дела государственной важности.

Еще до революции 1917 года начали выходить в свет мегапопулярные в советское время журналы для женщин: «Работница», «Крестьянка», «Работница и крестьянка», «Коммунистка». Эти горячо любимые советскими женщинами издания, в которых находилось место и для моды и для идеологии, прошли весь сложный путь нашей страны и сумели «выжить» даже в наше время. Все они были достаточно большого формата, тонкие, отпечатанные на желтой бумаге, с большим количеством черно-белых фотографий, преимущественно плохого качества (особенно «Крестьянка») и сильно отретушированные. Сильная ретушь, кроме «идеологических» функций (придания лицу «определенного» выражения), ставила задачи и чисто эстетические – облагородить внешность изображаемой, ведь до середины 1930-х гг. женские фотографии отличаются снятием гендерных различий, своей «половой невыраженностью». И все же трудно поверить, чтобы некрасивые и неухоженные лица «насаждались» сознательно – скорее всего, это была правда жизни, за которой не всегда успевали уследить. С середины 1930-х гг. наметились существенные изменения как в типах женской телесности, так и в приемах ее журнальной репрезентации: среди изображаемых женщин резко возросло число привлекательных и интеллигентных лиц (появляется косметика, украшения, прически).

Изменение ситуаций показа сильно повлияло и на способы визуальной репрезентации: если с начала 1930-х гг. их «заставали» за трудовым процессом («у станка») или на митинге, то во второй половине 1930-х гг. к этому добавились торжественные собрания, учеба, праздники, отдых, военная подготовка.

Отдельного внимания заслуживает рубрикация в женских журналах. В вышеобозначенных изданиях она выражена неявно: появившиеся рубрики не соблюдаются, исчезают, а потом появляются вновь, меняются, переименовываются. Но роль постоянной рубрики играет публикация на первых страницах журнала оперативной политической информации – законов, постановлений и распоряжений правительства, которые выполняли роль журнальных «передовиц». Так же здесь были и наиболее «судьбоносные» статьи или сообщения о важных государственных событиях (съездах, юбилеях). Среди достаточно устойчивых рубрик следует назвать письма читателей («Рабкорки пишут») – отклики читательниц на актуальные события; и письма к читателям – рубрику «Почтовый ящик» – ответы на письма работниц, с указанием их имен и места жительства, но в основном – это объяснения, по каким причинам заметка не может быть напечатана и советы на будущее.

Безусловно, даже в советские времена СМИ не обходились без рекламы. Но тогда она была чрезвычайно странной и разнородной. Размещалась на внутренней стороне обложки и представляла собой маленькие окошки с различной информацией. Чаще всего, рекламировали книги и журналы, услуги сберкасс, каталоги выкроек и косметические средства с указанием цены товара (на протяжении долгого времени повторяется реклама крема от веснушек «Метаморфоза», которую сопровождала яркая картинка накрашенной молодой женщины на фоне далекого хутора).

Начавшаяся Великая Отечественная война положила конец определенному этапу истории женских журналов. В 1941 г. перестали выходить многие издания, а у оставшихся изменилась тематика, проблематика, способы общения с читателями – война потребовала новых печатных форм, а уже после Победы начинается новый этап реорганизации женских журналов мод.

Таким образом, обзор женских журналов данного периода показал, что концепция периодических изданий интересующей нас области постоянно менялась. Первоначально это было представление и копирование европейских (преимущественно, французских) мод, после Октябрьской революции 1917 года – создание самобытного костюма массового производства и обилие журналов различного качества. В начале 1930-х гг. концепция отличалась узостью тематики и скудостью видеоряда, но в дальнейшем в связи с взятым «курсом на женственность» меняются идеологические установки: здоровые нарядные граждане были визуальным свидетельством улучшения условий жизни в СССР.

Примечания:

1. Женские новости. 1915. № 1–2. С. 4.
2. Там же.
3. Там же.
4. Коммунистка. 1930. № 2. С. 12.
5. Там же.

ЧЕРНОМОРСКАЯ ГУБЕРНИЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: К ВОПРОСУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

А.М. Зайцев, А.М. Мамадалиев

Сочинский государственный университет туризма и курортного дела, Россия
354000, г. Сочи, ул. Советская, 26а

Аннотация. В статье рассматривается деятельность органов внутренних дел на территории Черноморской губернии в начале XX века.

Ключевые слова: Черноморская губерния, органы внутренних дел,

Сыскное дело в дореволюционной России велось по двум направлениям: политический сыск и уголовный сыск.

Политическим сыском занималась специальная политическая полиция – Корпус жандармов, который вошел в состав Министерства внутренних дел, созданного в 1802 г. с определенной целью: «печись о повсеместном благосостоянии народа, спокойствии, тишине и благоустройстве империи». Сыскная полиция как часть общей была создана повсеместно и представляла собой аналог современного уголовного розыска [1].

Таким образом, сыскным делом занимались две структурные единицы МВД – общая и жандармская полиции.

Отличительной особенностью этих структур (в особенности жандармерии) было то, что кандидатуры сотрудников подвергались тщательнейшей проверке. К примеру, даже выдержав предварительные экзамены при штабе корпуса в Петербурге, офицер не направлялся на жандармские курсы: он должен был вернуться в свою воинскую часть и ожидать вызова, иногда до двух лет. А в это время местная жандармерия собирала о кандидате наиболее подробные сведения. Политическая благонадежность и денежное состояние подвергались наибольшей проверке. В корпус не зачислялись офицеры, зависящие от кого-либо в материальном отношении.

В архивах Новороссийского сыскного отделения хранится письмо от 30 мая 1912 г., направленное его руководителем начальнику Керченского сыскного отделения. Приведем его содержание: «Прилагая при сем фотографическую карточку мещанина г. Керчи, Ефима Константиновича Михилевича, 25 лет, прошу Ваше Высокоблагородие о наведении справок негласным путем и сообщении мне подробных сведений о личности и судимости Михилевича. То ли лицо Михилевич, за которое себя выдает, и какое он в числе мещан г. Керчи занимает положение. Родные Михилевича проживают по Садовой улице» [2]. Присланная характеристика, видимо, была удовлетворительной, так как далее мы читаем следующий документ, касающийся Михилевича, – удостоверение от 14 ноября 1912 г.: «Всем должностным лицам Российской империи. Предъявитель сего есть действительно агент Новорос-

сийского сыскного отделения Ефим Михилевич, 25 лет, командированный по делам службы в селение Армавир и прочие станицы Кубанской области, которому и прошу оказывать полное законное содействие при исполнении Михилевичем долга службы, в том подписью и приложением казенной печати свидетельствую, – начальник сыскного отделения, титулярный советник» [1].

Заслуживает уважение и оснащение сотрудников органов внутренних дел. Так, для работы созданного сыскного отделения было закуплено оборудование и предметы интерьера, с точки зрения сегодняшнего дня, весьма скромные, но достаточно дорогие тогда: в «Ведомостях имущества, принадлежащего Новороссийскому сыскному отделению», в реестре числится всего 86 наименований, среди которых и два наименования конфискованного товара («семь тюков мануфактурного конфискованного товара с целыми казенными печатями», «три ящика и одна корзина разного товара, опечатанные с целыми печатями»). Из профессионального оснащения можно отметить «глифоскоп с кожаным футляром», четыре измерительных прибора по антропометрии, непробиваемая пулей доска с портфелем к ней, «принадлежности фотографии: эмалированная раковина, 32/2 фута оцинкованного железа трубы, 2 угольника свинцовых, труб 9 пудов 5 футов, медный кран», большая лупа, «пишущая машина Ремигтон», четыре револьвера системы «Наган» и пр.

На методы работы сыщиков указывают следующие предметы: «шкатулка для грима с красками – 2 коробки, со всеми принадлежностями и тремя париками, двумя бородами и, усами и волосами для тех же надобностей», «альбом арестантов», «четыре витрины для арестантских карточек», две «металлические связки для рук» (видимо, аналог современных наручников), «двойная большая клетка для собак». Вообще, собаки весьма широко использовались в сыскной деятельности в Черноморской губернии [4].

В целом следует отметить, что работа органов внутренних дел на территории Черноморской губернии была организована на достаточно высоком уровне, о чем говорят весьма достойные результаты ее деятельности [5].

Примечания:

1. Очерки истории органов внутренних дел Кубани (1793–1917 гг.) / Под ред. проф. В.Н. Ратушняка. Краснодар, 2002. С. 3; Таран К.В. Причины участия сельских жителей Сочинского округа в вооруженном восстании в декабре 1905 – январе 1906 гг. // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. № 511. С. 120–124; Таран К.В. К вопросу о революционном терроре на территории Черноморской губернии в период Первой русской революции 1905–1907 гг. // История и историки в контексте времени. 2004. № 2. С. 18–34; Мамадалиев А.М. К вопросу об организации сыскного дела на территории Черноморской губернии: исторический опыт // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2008. № 1. С. 7–13; Зайцев А.М. История разведки, как отражение истории российского государства // Русская старина. 2010. № 1 (1). С. 25–28.

2. Архивный отдел администрации г.Новороссийск (АОАГН). Ф. 45. Оп. 1. Д. 2. Л. 69.

3. АОАГН. Ф. 45. Оп. 1. Д. 2. Л. 162.

4. Мамадалиев А.М. К вопросу о применении служебных собак на территории Черноморской губернии в начале XX века // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2007. № 6. С. 7–9.

5. Очерки истории органов внутренних дел Кубани (1793–1917 гг.) / Под ред. проф. В.Н. Ратушняка. Краснодар, 2002.

АРХИТЕКТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ НА ТЕРРИТОРИИ БОЛЬШОГО СОЧИ

И.А. Ермачков, А.М. Зайцев

Сочинский государственный университет туризма и курортного дела, Россия
354000, г. Сочи, ул. Советская, 26а

Аннотация. В статье рассматриваются архитектурные памятники средневековья на территории города Большой Сочи.

Ключевые слова: Большой Сочи, архитектурные памятники, историко-культурное наследие.

Территория Сочи была заселена 400–350 тыс. лет назад. Здесь обнаружено и исследовано множество археологических памятников. Среди них можно выделить пещеры, открытые стоянки, поселения, дольмены, но особый интерес для нас представляет другой вид археологических памятников – развалины крепостей и храмов. Всего в Сочи известны 132 уникальных памятника археологии [1], среди них Римско-Византийская крепость на р. Годлик Лазаревского района, средневековый христианский храм в Лоо, крепость в устье р. Псахе и др.

Древние и средневековые крепости, храмы на территории Большой Сочи недостаточно изучены в силу различных причин, правда, отметим, что раскопки отдельных памятников все же проводились (например, раскопки на территории средневекового христианского храма в Лоо), но комплексное исследование всех известных памятников проведено не было.

Сведения о крепостях и храмах на территории Большой Сочи появились достаточно давно. Так известный французский путешественник Шевалье де Гамба, посетивший наши места в 1820–1824 гг., в своих воспоминаниях упоминает о «форте Мамай». Спустя 15 лет эти места посетил Дюбуа де Монпере, который упоминает о главном убежище черкесских пиратов» Мамай-Кале [2]. Другой путешественник Джеймс Станислав Бель в своем дневнике пишет, что при его знакомстве с руинами крепости черкесы пояснили ему, что это развалины генуэзского форта и что там находят камни с надписями. Упоминания о развалинах крепости Мамай-Кале встречаются и в заметках неизвестного автора [3], относящихся к 1840 г. Заметим, что первое научное исследование крепости провел археолог Сизов в 1886 г. Он полагал, что Мамай-Кале бала построена византийцами или генуэзцами в XIII-XIV вв. Другой исследователь Леквинадзе предположил, что данная постройка относится к первым вв. н.э. Другой известный археолог Юрий Воронов утверждает, что крепость построена римлянами, о чем, по его мнению, говорят характерные

для римских укреплений прямоугольный план и форма башен[4]. Но подчеркнем, что эта точка зрения спорная.

Команда археологов, прибывшая из Краснодара, проводя раскопки, обнаружила большое количество глиняных черепков (частей амфор, кувшинов, пифосов), почти все они красного цвета, что говорит об их не здешнем происхождении, так как местная глина при обжиге не приобретает такого цвета. Все найденные предметы относятся к XIII–XIV вв. н.э.

Среди храмов на территории Большого Сочи наиболее ранним являлась базилика на территории совхоза «Южные Культуры», которая была разрушена в 1954 г. при строительстве водопровода. Ее украшали фресковая роспись и мозаичный пол. По предположениям ученых базилика была построена в VI в. Большинство же средневековых храмов Сочи было построено во времена Абхазского царства, среди них храмы в Хосте, Лесном, Лоо, на г. Ахун, под г. Ефрем и некоторые др. Можно выделить некоторые общие черты всех перечисленных построек – отсутствие оборонительных стен и расположение их на побережье. Исключение составляет лишь храм в Глубоком Яру, который достаточно удален от побережья и окружен мощной крепостной стеной (возможно из-за того, что глубже в горах к христианам относились не вполне доброжелательно).

Заметим, что среди средневековых храмов на территории Сочи наиболее исследованным является храм в п. Лоо, на территории которого в течение 10 лет (1987–1997 гг.) Уральским Государственным Университетом проводились археологические раскопки [5]. К моменту начала раскопок памятник представлял собой заброшенные развалины храма, на территории которого росли многочисленные деревья. В ходе первичного исследования стало известно, что общая длина храма с пилястрами и апсидами составляет 21 м., ширина – 12,25 м., толщина стен при этом – 1,1 м.

В центре храма были обнаружены симметрично расположенные основания четырех столбов, представляющих собой квадрат со сторонами в 3,5 м., предположительно данные столбы являлись опорой купола. Было также установлено, что храм освещался узкими (0,4 м.) оконными проемами, выпиленными с арочным завершением из плит известняка и ракушечника. При более подробном исследовании были обнаружены фрагменты зелено-вато-голубого оконного стекла, которым, возможно, были застеклены окна Лооского храма. Отметим, что с помощью спектрального анализа найденного стекла было установлено, что все фрагменты принадлежат к одному химическому типу, так же было установлено, что стекло подобного химического состава появляется не ранее X–XIII вв. Предположительно как раз в этот период и построен храм. Ученые также предполагают, что основной причиной упадка храма является непрекращающаяся война с мусульманами.

К этому же периоду относится и строительство крепости в устье р. Годлик Лазаревского района города Сочи. Этот археологический памятник, также как и храм в п. Лоо, был исследован археологами Уральского Государственного Университета. При изучении крепости в устье р. Годлик исследователи столкнулись с целым рядом сложностей, среди последних особо выделим то

обстоятельство, что на развалинах крепости и близлежащей территории расположена воинская часть.

Исследовав развалины крепости, ученые выявили особенности строев, которые характеризуются разнообразными техниками кладки крепостных стен, при сохранении римско-византийской кладки, так называемой панцирной. Что же касается находок на территории крепости, то в основном они представлены фрагментами керамики.

Подводя итоги, отметим, что обилие построек эпохи поздней древности и средневековья говорит о некогда активной деятельности народов, населявших территории Большого Сочи в те далекие времена. Особо выделим довольно широкое распространение христианства на этих территориях, об этом говорит наличие средневековых христианских храмов.

Примечания:

1. Гусева А.В. Каталог историко-культурного наследия г. Сочи. Сочи, 1997. С.3.
2. Бурсаниди Е. Эхо трапезундской империи // Сочи, 2003. №42. С.9.
3. Архивный отдел администрации города Сочи. Ф.Р-348. Оп.1. Д.20. Л.3.
4. Воронов Ю.Н. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар, 1979. С.80.
5. Овчинникова Б.Б. Десять лет лоосской археологической экспедиции //Сочинский краевед. Вып. 6, 2000. С. 10.

НРАВСТВЕННЫЙ ИМПЕРАТИВ В ЭКОНОМИКЕ ДРЕВНИХ ГРЕКОВ

Е.Н. Мурзанаева

Сочинский государственный университет туризма и курортного дела, Россия
354000, г. Сочи, ул. Советская, 26а

Аннотация. В статье рассматривается нравственный императив в экономических отношениях древних греков.

Ключевые слова: нравственность, экономика, Древняя Греция.

Греки задали вопрос о нравственном императиве в экономике и ответили на него, создав этическую экономику, цивилизованное общество и высокую культуру, которая стала «нормой и недостижимым образцом» в истории человечества, заложив в нее гуманизм и красоту.

Отношение к труду в древнегреческом обществе является одним из важнейших вопросов раскрывающих социальные аспекты в экономической политике Эллады.

В XX в. австрийский экономист Е.Ф. Шумахер, говоря об одной из экономических проблем, предсказывал: «Приглядитесь к тому, как народ использует свои земли, и вы сможете прийти к весьма точным прогнозам относительно будущего этого народа». Действительно, во все исторические времена человеку, чтобы жить, надо трудиться. Отношение к труду человека и общества в целом – одна из мировоззренческих проблем, она отражает духовный мир и самосознание народа. По мысли академика Д.С. Лихачева, «основа человеческой культуры – это отношение людей к трудовой деятельности». Проблема отношения к труду в древней Греции не исследовалась российскими историками детально в советское время, так как над учеными довлела мысль Ф. Энгельса о презрительном отношении свободных к физическому труду, который, по его мнению, был возложен на рабов. Против такого подхода возражали западные ученые, в частности французский ученый А. Боннар, а также советский философ Ф.Х. Кессиди.

К выводу о том, что «распространенное мнение о презрении римлян к труду в корне ошибочно», пришла и выдающийся российский ученый Е.М. Штаерман.

О специфике труда крестьян и об отношении крестьянина и раба к труду на земле писала и Е.С. Голубцова. Но все же, эта проблема не исследовалась детально и требует всестороннего осмысления и тщательного изучения. Труд непосредственных производителей – крестьян и ремесленников в античном мире – был главным для развития экономики в период ее расцвета, что отмечал еще К. Маркс: «Как мелкое крестьянское хозяйство, так и независимое ремесленное производство образуют... экономическую основу классов-

вого общества в наиболее цветущую пору его существования». Греки еще на заре своей цивилизации высоко оценивали труд, который помогал преобразовывать неблагоприятные моменты жизни, осваивать жизненную среду, повышать жизненный уровень людей, создать культуру. В жизни всегда есть выбор: или влачить жалкое существование или выработать стратегию жизни, стратегию получения доходов.

Гесиод замечал: «Голод, тебе говорю я, всегдашний товарищ ленивца», «ленивая бедность» осуждалась обществом и из нее надо было выбираться честным трудом.

Первые рассуждения о труде и экономические доктрины встречались в поэмах Гомера «Илиада» и «Одиссея» (VIII в. до н. э.), «энциклопедии народной жизни» и поэме беотийского крестьянина Гесиода «Труды и дни» (VI в. до н.э.), отражающих сложный процесс складывания раннерыночных отношений в Греции.

Труд на земле считался в Греции VIII–VI в. до н. э. самым благородным занятием для человека, по работе на земле тосковала душа воина, не случайно на щите Ахилла были изображены сцены пахоты и уборки урожая. Труд земледельца был тяжелым, утомительным, он требовал от человека большой ответственности, но и он воспитывал человека, формировал его характер, нравственность, прежде всего честность, порядочность, необходимые для жизни в обществе, ведь «горе тому, кто себе на земле позволяет неправду».

Греки рано узнали радость труда на самих себя, на своей такой трудной, но собственной, родной земле. Такой труд создавал собственность, богатство, он был очень важен для хозяйства и не доверялся рабам. Труд на земле придавал ценностное осмысление жизни человека. Отношение эллинов к труду на земле являлось не только экономической категорией, но и категорией культуры, нравственности, несущей в себе творческий потенциал. Свободная личность, имеющая собственность, реализовывала себя в творческом труде на земле и в ремесле.

Жизнь крестьянина восхвалялась. Работа хозяина на себя противопоставлялась труду рабов, наемной силе. Гомер писал: «Раб нерадив; не принудь господин повелением строгим к делу его, за работу он сам не возьмется охотой: тягостный жребий печального рабства избрав человеку, лучшую доблестей в нем половину Зевс истребляет».

При работе на земле требовались опытность, искусность, рационализм, чуткое отношение к земле, хозяйский глаз, трудолюбие. Необходимость этих качеств у крестьянина особенно отмечал Гесиод: «Для смертных порядок и точность в жизни полезней всего, а вреднее всего беспорядок» или «Меру во всем соблюдай, и дела свои вовремя делай».

Труд должен был приносить прибыль и моральное, радостное удовлетворение человеку от работы и ее результатов. Радость приходила к людям благодаря конкретному реальному результату. Это был смысл их труда, их жизни. Человек не был отчужден от своего труда, он реализовал себя в процессе труда и его результатах в этом потоке исторического и природного времени,

ухаживая за деревьями, посаженными дедом и им, но уже для детей и внуков. Выдающийся специалист в области античной истории и культуры А.Ф. Лосев подчеркивал: «Кто не получает радости от своего труда, тот плохо трудится и тот не имеет не только правильного мировоззрения, но и вообще не имеет никакого мировоззрения. Слава – в упорном труде. Подобная радость, конечно, есть нечто величественное и торжественное».

Квинтэссенцией трудовой этики человека формирующегося полисного социума явилось высказывание Гесиода: «Нет никакого позора в работе: позорно безделье»; «Пусты амбары у тех, кто работать ленится и вечно дело откладывать любит: богатство дается старанием.» И если человек стремился к достатку, к богатству, чтобы выбиться из бедности и жить достойно, то он должен был постоянно трудиться, «свершая работу одну за другой», веря в то, что «если и малое даже прикладывать к малому будешь, скоро большим оно станет; прикладывай только почаще». В период складывания полиса, когда человек еще надеялся на социальную справедливость, на то, что «труд человеку стада добывает и всякий достаток», крестьянин и ремесленник стремились создать богатство честным трудом. Но у жизни своя логика и опыт хозяйствования. Здравый смысл подсказывал, что, как говорится, «трудом праведным не построишь палаты каменные», и хотя Гесиод советовал: «выгод нечистых беги: нечистая выгода – гибель». А Ксенофонт в IV в. до н. э. считал, что земля всегда за добро платит добром, и богатство будет создано благодаря рациональному труду на земле. Но начался медленный процесс разрушения морали полисного человека, приведший к возникновению в IV в. до н. э., по словам Платона, «государства богатых» и «государства бедных». Вместе с тем греки всегда понимали, что нельзя стремиться к неограниченному богатству, по пути к нему человек многое теряет – теряет себя как гармоничную личность, а желая еще больше разбогатеть, человек рисковал и мог потерять все, поэтому Гесиод советовал: «Дурни не знают, что больше бывает, чем все, половина».

Неуемное желание разбогатеть разрушало человека и его мировоззрение. Общество, изменив отношение к честному труду, теряло гармоничное мировосприятие и неминуемо вступало в социальный кризис, кризис нравственности, происходил духовный распад личности – гражданина полиса, что отражалось в культуре, приводило к снижению ее идейно-социального потенциала, но вместе с тем способствовало формированию интереса к сложному внутреннему миру человека. Греки, создавая экономику, сумели спастись от ее пожирающего диктата; они сумели понять, что сколь ни важна экономика для жизни человека, она не может являться смыслом жизни. Смыслом жизни является сам человек.